

servent même quelquefois à en faire sentir la divinité» [оставил без внимания, что, нападая на эти благородные дерзости Пиндара, он дает основание думать, что он никогда не осознавал природы возвышенного в псалмах Давида, в которых — если позволено говорить об этих священных песнопениях по поводу столь мирских предметов — имеется множество подобных разорванных смыслов, порою служащих даже тому, чтобы заставить ощутить их божественность] [4, т. II, с. 201—202]. Ссылка на поэтику Псалтыри (равно как и поэтику псалтырных переложений) служит основанием для нарушения классицистических норм даже для одного из виднейших теоретиков классицизма. В частности, повторы и тавтологии, предосудительные для других родов стихотворства, во французской религиозной поэзии становятся постоянной и узаконенной чертой (см. [5]). Понятно, что Тредиаковский ориентируется на эти прецеденты, и не случайно его описание поэтики Псалтыри в предисловии к переложению (с. 5) перекликается с подобным же описанием в «Рассуждении о оде во обще» в варианте 1752 г., а это последнее воспроизводит пассаж из «Древней истории» Ш. Роллена [6, с. 28—29]. Естественно, Тредиаковский, опираясь на французский прецедент, мог идти дальше, чем французские поэты, и значительно шире использовать барочные приемы — и гипербат в синтаксисе, и стилистические контрасты при отборе лексики. Вместе с тем именно этот прецедент давал Тредиаковскому возможность связать новое стихотворство с «древним и средним», т. е. элементы барочной поэтики были не самоцелью, а предлогом для рецепции церковнославянской литературной традиции. Думается, что вне этого сложного историко-литературного контекста понимание поэтических экспериментов Тредиаковского не может быть вполне адекватным.

Последняя глава исследования посвящена иным, нежели переложения псалмов, формам духовной поэзии у Тредиаковского — духовному (медитативному) сонету и стансам (песням). Как и в предшествующих главах, автор рассматривает произведения Тредиаковского в рамках всего литературного развития XVIII в. Справедливо говорится о том, что как Тредиаковский в своем переводе сонета Ж. Де Барро, так и Сумароков, написавший несколько сонетов с духовной или моралистической тематикой, ориен-

тировались на западноевропейские образцы конца XVI — начала XVII вв., на ту барочную духовную поэзию, которая подверглась суровой критике Буало. И в этом случае, можно думать, соотнесение с духовной литературной традицией создает своеобразную барочную нишу в классицистическом эталоне, значимом и для Тредиаковского, и для Сумарокова. Однако подробный анализ иных форм духовном поэзии, кроме переложений псалмов, А. Левицкий намеревается дать в последующих частях своего исследования, посвященных более позднему периоду: в последней трети XVIII в. поэзия этого рода представлена многочисленными образцами, так что появляется материал для обобщений. Я надеюсь, что читатель вскоре увидит публикацию этих последующих частей, а рецензент получит возможность вновь обратиться к такому интереснейшему исследованию — в частности, к различным родам духовной поэзии. В надежде на эту новую встречу остается лишь еще раз подчеркнуть ценность рецензируемого издания и значимость сопровождающего его исследования.

Живов В. М.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Живов В. М. Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. М., 1990.
2. Виноградов В. В. Избр. тр. История русского литературного языка. М., 1978.
3. Лотман Ю. М. Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова // Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и языка. 1983. Т. 42. № 3.
4. Boileau Despréaux N. Oeuvres complètes. T. I—III. Paris, 1832.
5. Harzfeld H. Der Barockstil der religiösen klassischen Lyrik in Frankreich // Literaturwissenschaftliches Jahrbuch der Görres-Gesellschaft. 1929, B. 4, S. 30—60. (Цитируется по: Der literarische Barockbegriff. Hrsg. von W. Barner. Darmstadt, 1975, S. 143—182).
6. Achinger G. Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung der Zeitschriften (1730—1780). Bad Homburg v.d.H., Berlin, Zürich, 1970 (Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen, Reihe III, Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik, Bd 15).